

БУЛЫГИНА Т. В., СТЕПАНОВ Ю. С.

ТЕОРИЯ ГРАММАТИКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

(К выходу в свет «Грамматика литовского языка»
на русском языке)

Опубликованная на русском языке «Грамматика литовского языка» [Вильнюс, изд-во «Моклас» («Наука»), 1985 г.], созданная коллективом сотрудников Института языка и литературы АН Литовской ССР по рекомендации Президиума АН СССР, является примечательным событием в разных аспектах. Во-первых, литовская лингвистическая школа в последние десятилетия вышла на одно из первых мест в лингвистическом мире. Во-вторых, в коллектив авторов, работавший над данной книгой под руководством В. Амбразаса, входят видные литовские грамматисты (В. Амбразас, А. Валецкене, Э. Валулите, К. Гаршва, А. Гирденис, П. Кнюкшта, С. Криницкайте, В. Лабутис, А. Лайгонайте, Э. Огинскене, Ю. Пикчилингис, А. Руже, Н. Слижене, К. Ульвидас), в той или иной степени связанные с традицией создания Академической грамматики литовского языка (этот трехтомный труд под руководством чл.-корр. АН Литовской ССР К. Ульвидаса был опубликован в 1965—1976 гг.). В-третьих, литовский язык — индоевропейский язык с богатой флективной морфологией, хранящей при этом многие архаические черты индоевропейского строя, является хорошим «полигоном» для выяснения грамматических проблем, касающихся как индоевропейских языков, так и языков других семей.

Целый ряд особенностей литовской грамматики делает литовский язык и весьма интересным объектом типологического исследования. Между тем число лингвистов, для которых профессионально важно более или менее глубокое знакомство с литовским языком, несомненно, значительно больше числа лингвистов, владеющих литовским языком в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы пользоваться наиболее авторитетным пока изданием — упомянутой трехтомной Академической грамматикой литовского языка. Поэтому выход в свет рецензируемого труда с удовлетворением встречен широкими кругами языковедов различных специальностей.

Следует подчеркнуть, что «Грамматика» отнюдь не является просто сокращенной русской версией упомянутой Академической грамматики. Иная ориентация нового издания потребовала пересмотра и уточнения некоторых принципов описания, выработки единой грамматической концепции, лежащей в основе описания. В большинстве разделов воплощена целостная и продуманная грамматическая концепция. Это дает основание для обсуждения теоретических аспектов предложенных решений.

Теория грамматики, согласно мнению большинства лингвистов в настоящее время, включает в себя исследование нескольких основных вопросов. Во-первых, выявление грамматических категорий, грамматической системы какого-либо данного конкретного языка. Во-вторых, — по-

сколькx хорошо известна принципиальная неединственность любого грамматического (так же, как и фонологического и семантического) описания, — сравнение разных возможных описаний (разных грамматик) с целью выявить наиболее адекватное описание для данного языка и данной цели. В-третьих, установление по возможности наиболее общих способов такого сравнения применительно к любому языку. В-четвертых (в предположении, что предмет грамматики как науки достаточно хорошо определен или, во всяком случае, является определимым), решение вопроса о том, что именно следует относить к грамматике, а что к лексикону, словарю и включать в словарь языка. Третью и четвертую задачи можно назвать метаграмматическими.

В книгах, называемых «Грамматика (такого-то конкретного языка)», и в данной, естественно, решается прежде всего первая из названных задач. Она выдвигается на первый план, ее принципы и подходы к ней эксплицитно формулируются, подчеркивается отличие по этой линии данной книги от других и т. д. Однако в действительности при создании таких книг никогда нельзя миновать и остальных вопросов — о предпочтении того или иного из возможных представлений грамматической системы или какого-либо ее фрагмента, — о выборе представления и о мотивировках такого выбора. Именно этот круг теоретических вопросов авторы настоящей статьи выдвигают здесь на первый план. Одновременно он, по-видимому, особенно важен и практически для работы над различными грамматиками различных языков, в особенности для столь разнообразных языков, какими являются языки народов СССР.

Далеко не все проблемы литовской грамматики исследованы к настоящему времени с одинаковой полнотой. Предложенные авторами решения ряда дискуссионных вопросов литовской грамматики в большинстве случаев отличаются убедительностью. Особенно аргументированными выглядят выводы, касающиеся спорных вопросов литовской фонологии, а в области грамматики — системы грамматических категорий глагола. Несомненный интерес представляет описание типов предложений с их лексическим наполнением, порядка слов — вопросы, ранее систематически не исследовавшиеся. В некоторых разделах дискуссионных вопросов больше, и мы постараемся оттенить некоторые из них в настоящей статье.

*

Проблема местоимений позволяет, пожалуй, в наиболее чистом виде затронуть метаграмматические вопросы выбора описания, выбора грамматического представления материала. Единство раздела «Местоимения», как и соответствующей группы слов, в грамматиках обычно мотивируется по-разному, по крайней мере — двумя различными способами. Либо — формой местоименных слов, особенностями их флексии и вообще словоизменения. Либо — функцией, особым типом значения этих слов. Так, например, в «Русской грамматике» 1980 г. избирается, в основном, первый подход: в соответствующую главу включаются только слова-аналоги существительных, однако такие, словоизменение которых отличается от словоизменения существительных. Авторы различных «функциональных» грамматик избирают, в основном, второй подход, мотивируя единство главы «Местоимения» особым и достаточно единым у всех местоименных слов типом значения. (Так, например, в работах по русскому и английскому языкам. О. Н. Селиверстовой.) Однако при этом как раз и выходят на первый план некоторые метаграмматические вопросы.

Дело в том, что, вообще говоря, любая достаточно однородная группа слов языка обладает особенным, только ей присущим типом значения. Так, особым типом значения обладают «конкретные имена» типа «чашка», «ложка», «тарелка», «стакан», «кастрюля» и т. п. Особым типом значения обладают такие «абстрактные слова», как «братство», «свобода», «любовь», «ненависть» и т. п. Особым типом значения обладают абстрактные имена типа «белизна», «краснота», «чернота» и т. д. и т. п. Если констатировать у местоимений только особый тип значения, то это, скорее, требовало бы их выделения из «грамматики» в «словарь» и разработки способов словарного описания таких слов, — в первую очередь, значений таких слов.

Но такому решению препятствуют различные обстоятельства. Во-первых, разумеется, традиция академических грамматик, которая, как уже было сказано, играет немаловажную роль и в данной книге. Во-вторых, что более существенно, наличие, по крайней мере, у части местоименных слов, особых парадигм словоизменения, особой флексии. Данная «Грамматика» специально подчеркивает — как свой принцип — совмещение «формального» и «семантического» критериев. Итак, все располагает к тому, чтобы выделить местоимения в особую главу «Грамматики» и построить ее внутреннюю композицию по двум названным принципам — «семантическому» и «формальному». Что и сделано, и с таким решением в принципе, следует, по-видимому, согласиться. Нужно, однако, подчеркнуть, что раздел о местоимениях оказывается одним из самых неблагоприятных для любого автора в любой грамматике и ставит его перед лицом многих трудностей, которые видны и в данной книге.

Во-первых, названные принципы разделения местоимений («формальный» и «семантический») оказываются, по-видимому, недостаточными и вводится критерий «зависимости от отношений к другим словам» (с. 158). Это критерий дистрибутивный, в общем формальный, но не в смысле парадигмы словоизменения. В соответствии с этим критерием местоимения и объединяются в один разряд слов и одновременно подразделяются на три группы: 1) субстантивные, т. е. «местоимения-существительные», типа «я», «ты», «она», «вы», «вы» (вежливое) (литов. *tamsta*) и т. д.; 2) адъективные, т. е. местоимения-прилагательные, типа «такой», «иной», «всякий», «никакой», «какой-то» и т. д.; здесь вводится дополнительный критерий «формальности» в морфологическом (недистрибутивном) смысле, ср.: «к адъективным относятся м е с т о и м е н и я с с у ф ф и к с о м -oks, -ia: *tóks, -ià* „такой, -ая“» (с. 158; разрядка наша. — *Б. Т., С. Ю.*) и т. д.; 3) «остальные местоимения являются субстантивно-адъективными»: типа «тот, та» (*tas, ta*), «который, -ая» (*kairas, katra*), «каждый» (*kiekvienas*), «мой» (*manasis, maniskis*) и т. д.

Далее вводится раздел «Разряды местоимений» (но ведь о «разрядах» шла речь и выше?): «по характеру указания предметов и признаков местоимения подразделяются на 7 разрядов: 1) личные, 2) возвратные, 3) притяжательные, 4) указательные, 5) вопросительно-относительные, 6) неопределенные, 7) определительные; некоторые местоимения являются членами нескольких разрядов» (с. 161). Этот раздел в целом написан очень содержательно, с тонкими семантическими наблюдениями, весьма полезными для читателя-нелитовца. Слово *pats*, употребляемое довольно схоже с русским *сам*, выполняет различные функции, но, например, его употребления в сочетаниях русск. *в самой середине комнаты, самый лучший* (вполне аналогично в литовском) вряд ли можно, во всяком случае, без специальных оговорок, назвать местоименными функциями. Возражение, впрочем, другого порядка — с точки зрения удобства использования «Грам-

матики» — может вызвать и помещение местоимений типа «никто», «никакой» в разряд «отрицательно-обобщенных», и далее — в разряд «неопределенных», их «потопление» в этих разрядах: трудно будет отыскать столь обычные и употребительные слова под столь обобщающими и «укрывающими» заголовками. Уже наличие в общем разряде «Неопределенные местоимения» частного разряда «собственно неопределенных» говорит о том, что «никто» и подоб. являются «несобственно неопределенными», а всякий термин «несобственно что-то» несет в себе *contradictio in adjecto*. Возможно, термин (и разряд) «отрицательные» с каким-либо дополнительным определением был бы более подходящим. К тому же отрицательные местоимения в предложении связаны с отрицанием в предикате (*niekas ne...* «никто не...»), и тем самым, вообще говоря, покоятся не на семантическом, а на синтаксическом (или семантико-синтаксическом) основании.

В обоих этих последних замечаниях мы хотели бы подчеркнуть еще один необходимый для теоретической «Грамматики» принцип — удобство «упаковки», которая должна отвечать интуитивно ясным критериям и запросам пользователя.

Два конкретных замечания о разделе «Местоимения» с точки зрения индоевропейцев. Слово *tūlas*, *-a* не вполне удачно передается в обобщенном переводе русским «частый» (может быть, лучше было бы «многие» с соответствующей синтаксической пометой). Речь скорее должна идти об особом явлении индоевропейских языков — о так называемом «множественном числе в форме единственного». Точнее это явление, следовало бы, по-видимому, назвать «дистрибутивным множественным числом». Аналогами литов. *tūlas* являются франц. *maint*, *-e*, например, *en mainte occasion* (ед. ч.!) «в ряде случаев, во многих случаях», англ. *many*, например, *to give rise to many an idea* «породить многие идеи» и т. п. Перевод *tūlas* как «частый» возник, вероятно, из-за того, что по-литовски вместо этого слова может употребляться прилагательное *dažnas*, букв. «частый, часто встречающийся», по здесь речь идет об идиоматике литовского языка, которая не может служить основанием для перевода (ср. русск. *Он у нас частый гость — редкий гость; однако Редкая птица долетит до середины Днепра, но не *Частая птица долетит...*).

Глава «Местоимения» заканчивается разделом «Склонение и акцентуация местоимений», — где торжествует, наконец, третий критерий, — «формальный» в традиционном смысле: местоимения склоняются и акцентуруются (по крайней мере, частично) отлично от существительных и прилагательных, и классифицируются здесь по этому основанию. Этот раздел написан также удачно.

Представляется оправданным включение в парадигму местоимений *aš* «я», *tu* «ты», *save* «себя», *kas* «кто/что», *kažkas* «кто-то/что/то» форм *mano* «мой», *tavo* «твой», *savo* «свой», *kieno* «чей», *kažkieno* «чей-то» и подоб., нередко трактуемых как особые «несклоняемые притяжательные местоимения-прилагательные». Неудачен только способ репрезентации этих форм в таблице склонения (см. с. 173), в соответствии с которым формы *manęs* «меня» и *mano* «мой», *tavęs* «тебя» и *tavo* «твой», *save* «себя» и *savo* «свой» оказываются представленными как варианты единого падежа — родительного. Ссылка на «дополнительную дистрибуцию» (с. 162) едва ли уместна. В том смысле, какой имеют в виду авторы (ср. комментарии на с. 162), почти все падежи «дополнительно распределены» в отношении друг друга (они обычно выступают в разных семантико-синтаксических контекстах). Поэтому и в данном случае это два разных падежа: «родительный I» и «родительный II» или «родительный» и «посессивный» или что-либо подоб. (см. подробнее [4]).

В некоторых деталях в разделе о местоимениях дает себя знать преувеличенный «морфологизм», проявляющийся, впрочем, и во многих других местах «Грамматики». Так, например, говорится, что местоимение *savęs* «себя» «не имеет формы им. п. ед. ч. и форм мн. ч.» (с. 173; см. также с. 162). Однако отсутствие им. падежа и отсутствие форм мн. числа — разные вещи. В первом случае мы имеем дело с закономерным отсутствием, естественным для местоимения, не употребляющимся в функции подлежащего, во втором — следует, скорее, говорить о неразличении числовых форм у возвратного местоимения или же об употреблении в той и другой функциях форм с внешними признаками ед. числа. Иначе трудно описать сочетаемостные свойства возвратного местоимения — например, возможность его употребления в контекстах, предполагающих «множественность» (ср., скажем, возможность сочетания с предлогом *tarp* «между, среди», требующим в силу своей семантики субстантивов в форме мн. числа: *Jie tyliai šnekėjosi tarp savęs* «Они тихо разговаривали между собой» и т. п.).

Большим достоинством этого раздела, как и всей книги, является новшество: все разделы о склонениях и акцентуации во всех главах и соответственно всех частях речи выдержаны, по возможности, по единому принципу (что отчасти оговорено и в «Предисловии», с. 6—7). Это существенно облегчает столь трудный вопрос для читателя-нелитовца. Отметим один недосмотр в этой части: женский род местоимения *šitas* «этот» — *šita* приводится с двумя различными ударениями, без оговорок, — на с. 158, 159 с корневым ударением, на с. 178 в табл. — с двумя ударениями — на корне и на окончании. (О проблеме рода местоимений см. ниже.)

*

Весьма нетривиальной проблемой грамматического описания литовского языка является проблема грамматического рода. Сложность и одновременно теоретический интерес этой проблемы связаны, в частности, с тем, что существительные литовского языка не знают среднего рода (как продолжение индоевропейского среднего рода эта категория в литовском утрачена), тогда как в адъективной сфере различаются три формы: кроме согласуемых с существительными прилагательных (и причастий) муж. и жен. рода, есть еще особая неатрибутивная форма, встречающаяся, главным образом, в безлично-предикативном употреблении (например, *Ten šviesu* «Там светло», *Man šalta* «Мне холодно», *Čia žvirbliai tupėta* «Здесь воробьем сидено», т. е. «Воробей сидел»). Эту форму [иногда встречающуюся в позиции сказуемого при подлежащем, выраженном существительным муж. или жен. рода: *Siūloma prekė — nebrangu* «Предлагаемый товар — недорого»; *Galva galvai neligu* «Голова голове рознь (букв. неравно)»; *Sveikam ir botagas sveika* «Здоровому и кнут полезно»] авторы «Грамматики» квалифицируют как форму среднего рода прилагательного. Такое решение (принятое и в Академической грамматике литовского языка) подвергалось критике на том основании, что оно заставляет отказаться от общепринятого представления о зависимом характере адъективного рода (см. [1, с. 35—36, примеч. 24; 2]). Однако ряд исследований А. Валецкене (одного из авторов рассматриваемой «Грамматики») показал (см. прежде всего [3]), что факты литовского языка все же дают основание считать неатрибутивный адъектив (хотя и с определенными оговорками) согласуемой формой прилагательного, а встречающиеся в независимом употреблении формы отождествлять с пими на основе формального совпадения — точно так же, как это обычно делается в отношении безличных глаголов, формально совпадающих с глагольными формами 3-го лица.

Так, субстантивные местоимения *tai* «то», *šita(i)* «это», *visa* «все», *viena* «одно», *kita* «другое» отличаются от местоимений *tas, ta* «тот, та», *šitas, -a* «этот, эта», *vienas, -a* «один, одна», *kitas, -a* «другой, -ая», в частности, по своим согласовательным свойствам (ср.: *Cia man visa gražu* «Здесь для меня все красиво» — в отличие от *Jis visas gražus* «Он весь красивый», *Ji visa graži* «Она вся красивая»). Ср. также предложения вроде: *Saldu — gardu* «(Что) сладко — (то) вкусно»; *Raudona — gražu* «Красно(е) — красиво», в которых, по словам авторов, «согласуются между собой» формы среднего рода (прилагательных), «одна из которых выступает в качестве подлежащего, а другая — в качестве сказуемого» (с. 116). Заметим, что в подобных случаях, быть может, было бы более корректно считать, что в позиции подлежащего выступают не формы среднего рода прилагательных, которые «довольно часто употребляются субстантивно в функциях именительного, винительного и (иногда) родительного падежей» (с. 115), а отадективное существительное среднего рода. Это позволило бы с большим основанием говорить о существовании в литовском языке субстантивов (местоименного или адъективного происхождения), составляющих особый согласовательный класс, отличный от мужского и женского родов, — т. е. о некоторых остатках субстантивного среднего рода.

Различную трактовку допускают существительные так называемого общего рода (типа *akįplėša* «нахал, -ка», *dabūtā* «щеголь, -иха», *kūtvėla* «неряха»): они могут быть отнесены к особому, «скрещенному» согласовательному классу, т. е. могут трактоваться как не имеющие фиксированного значения пола и, соответственно, синтаксического рода — в этом случае их сочетаемостные особенности могут описываться в терминах так называемого «семантического согласования». Либо они могут быть расщеплены на две омонимичные лексемы — муж. и жен. рода — в этом случае их сочетаемость не будет отличаться от сочетаемости «обычных» существительных. Заметим, что выбор авторов «Грамматики» остается не вполне ясным. С одной стороны, встречаются такие утверждения: «Отнесенность существительных т. наз. общего рода к лицам мужского или женского пола выявляется по синтаксической сочетаемости данных существительных: Juozas Miliulis buvo tikras nepasėda, nepuogama „Юозас Милюлис был настоящий непоседа, егоза“» (с. 85); «С существительными обоих родов сочетаются существительные общего рода» (с. 513). Такие формулировки (как и само выделение группы существительных «общего рода» — впрочем, авторы указывают, что название условно), как будто, соответствуют первому решению. С другой стороны, встречаются и формулировки иного типа: «Род таких существительных выражается синтаксически (формами согласуемых слов), ср. tikras nepuogama „настоящий непоседа“ — муж. р., tikrā nepuogama „настоящая непоседа“ — жен. р.» (с. 84). Подобный способ выражения указывает на выбор второго решения: он предполагает, что мы имеем здесь дело с разными лексемами, — ведь субстантивный род (независимо от способов внешнего выражения) — это словарная характеристика лексемы (как считают и авторы «Грамматики», признающие род существительного классификационной грамматической категорией).

Обратим внимание на то, что аналогичная проблема выбора между альтернативными способами описания встает и в отношении категории рода в сфере субстантивных местоимений. Личные местоимения *aš* «я», *tu* «ты», *mes* «мы», *jūs* «вы» по своим сочетаемостным особенностям вполне сходны с существительными «общего рода» (с той разницей, что местоимения редко вступают в атрибутивную связь). Более сложны правила согласования у вопросительных, неопределенных и отрицательных местоимений типа

kas «кто» или «что», *kažkas* «кто-то» или «что-то» и подоб. И та и другая группы местоимений причисляются в «Грамматике» к разряду «неродовых». Таким образом, выбирается способ описания, соответствующий — содержание, хотя и не терминологически — первому из упомянутых выше в связи с существительными «общего рода» решений. Не останавливаясь на вопросе об оправданности данного терминологического выбора (личные местоимения 1-го и 2-го лица с наименьшим успехом могли бы называться, например, двуродовыми, а вопросительные и неопределенные местоимения, быть может, следовало бы все же расщепить на две квазиомонимичные лексемы со значением лица и не-лица — см. [4]), отметим очевидную несуразность такой формулировки, как: «Неопределенные родовые местоимения (обычно в форме им. или вин. п.) образуют словосочетания с прилагательными муж. р., согласуясь с ними в роде и числе: наряду с последними употребляются и синонимичные им формы сред. р.» (с. 525) — здесь снова проявляется преувеличенный «морфологизм», о котором уже говорилось выше: местоимения, о которых идет речь, обладают внешними (морфологическими) признаками муж. рода.

Еще один пример различия в трактовке категории рода у существительных, с одной стороны, и субстантивных местоимений — с другой (различия, мотивированность которого не является непосредственно очевидной) дает принятая в «Грамматике» интерпретация местоимений 3-го лица *jis* «он», *ji* «она», *jie* «они», *jis* «онѣ» и так называемых «*substantiva mobilia*» типа *darbininkas* «работник», *darbininkė* «работница», *daktaras* «врач», *daktarė* «женщина-врач», *poetas* «поэт» — *poetė* «поэтесса» и т. п. (подобные пары весьма распространены в сфере названий лиц). Их «родовые особенности» (морфологический способ выражения и сочетаемостные свойства — та или другая родовая форма выбирается в зависимости от пола обозначаемого лица или грамматического рода antecedента) обнаруживают существенное сходство. Однако «подвижные существительные» трактуются в «Грамматике» как разные лексемы, а местоимения *jis* — *ji* как словоизменительные формы одной лексемы. Несмотря на то, что отношения между существительными типа *darbininkas* — *darbininkė* достаточно сходны со словоизменительными, отказ от их лексематического отождествления представляется вполне оправданным (см., например, обсуждение этого вопроса в [1, с. 33]). Не следовало бы считать и местоимения 3-го лица разными лексемами? [Заметим, что способ подачи данных местоимений в «Грамматике» (*jis* «он», *ji* «она» или *jis*, *ji* «он, она», а не просто *jis* «он», как это принято, когда речь идет о словоформе, представляющей одну лексему) соответствует именно такой интерпретации.]

Последнее соображение, которое мы позволим себе высказать в связи с категорией рода, касается исчисляемых «*pluralia tantum*». Признание субстантивного рода категорией, отражающей согласовательные свойства существительного (с. 80), на наш взгляд, ведет к необходимости выделять эти существительные в качестве особых согласовательных классов — их можно было бы условно назвать, например, «парный мужской род» и «парный женский род». Это нетрадиционное решение диктуется тем обстоятельством, что слова типа *metai* мн. ч. «год» (*metas* ед. ч. «время; время года, сезон»), *žirkles* «ножницы» сочетаются с особыми формами числительных-атрибутов (с так называемыми «множественными числительными» — *Jau ketveri metai, kaip jis jį bemačius* «Уже четыре (букв. четверо) года, как он его не видел»; *Vakar dvejas žirkles turėjau* «Вчера у меня было двое ножниц»). Существенно, что противопоставление «обычных» («основных», по терминологии авторов) числительных типа *vienas*, *-a* «один, одна», *du*, *dvi* «два, две» . .

. . . , *devyni, devynios* «девять» «множественным числительным» типа *vieni, -os (vienieri, -ios)* «одни», *dveji, dvejos* «двое». . . *devyneri, devynerios* «девятеро» отражает т о л ь к о их различные сочетаемостные свойства (в отличие от сходного, но не тождественного противопоставления внутри числительных в русском языке — ср. [5]): рассматриваемое формальное различие числительных-атрибутов связано лишь со способностью выступать в роли согласованного определения при существительных разных классов — 1) при существительных, имеющих морфологически различные формы единственного и множественного числа, и 2) при существительных, имеющих омонимичные формы обоих чисел (т. е. при исчисляемых *pluralia tantum*). Это обстоятельство должно было бы привести к лексематическому отождествлению «множественных числительных» с соответствующими «основными числительными» (ср. иное решение, принимаемое в «Грамматике» на с. 143) и тем самым к признанию особого статуса «множественных числительных» по сравнению с «собирательными» (типа *dvejetas* «двое, двойка», *devynetas* «девятеро, девятка») и «дробными числительными» (типа *viena septintoji* «одна седьмая»). Если собирательные и дробные числительные представляются собой особые лексемы, то «множественные числительные» следует считать специальными согласовательными формами соответствующих основных числительных.

Из мелких замечаний, связанных с категорией рода, отметим недостаточность формулировки, согласно которой «род прилагательных, соотносимых с местоимениями *aš* „я“, *tù* „ты“, *mēs* „мы“, *jūs* „вы“ . . . зависит от пола лица или другого живого существа, указанных при помощи вышеупомянутых местоимений» (с. 159—160). Если учитывать возможность персонификации, то данная формулировка должна быть дополнена следующим образом: «. . . или от грамматического рода предметных существительных, кореферентных местоимению». Ср. пример, приводимый [без соответствующих «согласовательных» комментариев] в другом месте «Грамматики»: «*Tėvynės daĩnos, jūs malonios, taip širdį žadinat saldžiai: „Песни родины, вы так милы, так сладко сердце тревожите!“*» (с. 161), где местоимение *jūs* относится к предмету грамматического женского рода.

*

В разделах, посвященных глаголу, убедительно раскрывается внутренняя логика организации глагольной системы. Каждый раздел предваряется вводными параграфами, дающими представление о структуре морфологических глагольных грамматических категорий. Здесь определяются дифференциальные признаки каждой категории и устанавливается иерархия оппозиций, в частности — внутри категорий лица, времени и наклоения, обладающих двух- или трехступенчатой структурой.

Убедительным представляется решение дискуссионного вопроса о составе категории наклоения, о парадигматическом статусе конструкций, состоящих из вспомогательного глагола и причастия (действительного и страдательного залога), — авторы включают их в глагольную парадигму в качестве аналитических форм. Принятые в «Грамматике» решения не только обоснованы предварительными исследованиями (в особенности самих авторов — В. Амбразаса, Н. Слижене и др.), но и, по-видимому, мотивированы нормализаторской тенденцией «Грамматики», стремлением предложить определенный четкий вариант упорядочения не вполне устоявшихся явлений живого литовского языка.

Пр о б л е м а н а к л о н е н и я. Значительный теоретический ин-

интерес представляет предложенное в «Грамматике» новое освещение вопроса о составе категории наклонения. Помимо выделяемых всеми грамматистами изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений, в «Грамматике» особым наклонением признается и так называемое «косвенное наклонение» (*modus relativus*). Наоборот, в отличие от некоторых описаний не признается особый статус «желательного наклонения», объединяемого здесь с императивом.

Основным формальным критерием отграничения форм «косвенного наклонения» от сложных (аналитических) форм изъявительного наклонения является обязательное отсутствие личной формы вспомогательного глагола *būti* «быть» [в роли вспомогательного глагола сложных — перфектных («завершительных») и «начинательных» — форм глагола в «косвенном наклонении» выступают причастия от глагола *būti*]. Таким образом, своеобразие «косвенного наклонения» состоит, в частности, в том, что временные значения причастий (занимающих позицию *verbi finiti*) имеют непосредственный дейктический характер (они отсылают к моменту речи), тогда как аналогичные значения причастий, входящих в состав аналитических форм в парадигме изъявительного наклонения, выражают значения таксисного («относительного», по терминологии «Грамматики») характера (временная «двуплановость» аналитических форм убедительно показана в главах, написанных Н. Слижене).

Семантическое своеобразие «косвенного наклонения» состоит в особом значении, которое можно было бы назвать значением «отгораживания» (англ. *hedging*) — при помощи форм косвенного наклонения говорящий как бы снимает с себя ответственность за истинность сообщаемого (ср. также термины «заглазность», «наклонение неочевидности» и т. п.). Указанное употребление форм со значением «отгораживания» является, по-видимому, как общетипологической чертой (квазиуниверсалией), так и своеобразным явлением индоевропейских языков. Ср., с одной стороны, перфект «заглазного» значения (перфект «неочевидности») в современных иранских языках, то же в болгарском; употребление форм на *-rait* в современном французском (например, *L'auteur de l'ouvrage en question aurait assimilé deux phénomènes différents...* «Автор рассматриваемого труда, по-видимому, уравнивал два различных явления...») и т. п. Ср. также, с другой стороны, и обратное — наличие особых глагольных форм со значением «удостоверительности» в мегрельском и некоторых других картвельских языках [6].

Заметим, что критические замечания некоторых исследователей по поводу выделения «косвенного наклонения», сводящиеся к тому, что оно «избыточно», так как соответствующее значение и без того выражается контекстом (и потому в большинстве случаев «косвенное наклонение» может быть без ущерба для смысла заменено изъявительным — об этой возможности упоминают и авторы «Грамматики»), не кажутся нам убедительными. Во-первых, такого рода «избыточность» вообще характерна для привативных грамматических оппозиций (немаркированный член грамматических оппозиций обычно способен выражать значение также и маркированного члена). Во-вторых, едва ли вполне соответствует действительности представление о том, что замена «косвенного наклонения» изъявительным всегда возможна без каких-либо смысловых потерь. Это представление опровергается, например, наблюдениями над языком газет, а также над научной прозой, в частности — над языком рецензий, когда излагаются «чужие» мысли. Во многих случаях с выбором причастной или финитной формы связано ощутимое противопоставление значения «отгораживания»

значению «солидарности». Ср., например, употребление соответствующих форм в «изъяснительных» придаточных предложениях следующего отрывка (сказуемое первого придаточного подчинено нефактивному — *buvo įsitikinę*, а сказуемое второго придаточного — фактивному предикату — *rodo*): *Pavyzdžiui, seniau visi buvo įsitikinę, kad germanų kalbos turinčios dinaminį kirtį, bet naujaisi tyrinėjimai rodo, kad vokiečių ir anglų kirčiuotas skiemuo labiau išsiskiria tonu, negu intensyvumu* «Например, раньше все были убеждены, что германские языки имеют (part. praes. act. fem. pl. от *turėti* «иметь») динамическое ударение, однако новейшие исследования показали, что ударный слог в немецком и английском выделяется (verbum finitum) скорее тоном, чем интенсивностью».

Существенно, что предикативные причастные формы выражают значение «отгораживания» и вне непосредственного подчинения предикату, указывающему на источник информации, — как во втором предложении следующего ниже отрывка: *Jo nuomone, veiksmo trukmė nieko bendra neturinti su veiksmąžodžio veikslu. Svarbiausia esą tai, kad eigos veikšlos veiksmąžodžių veiksmas yra procesas, o įvykio — ne procesas* «По его мнению, продолжительность действия ничего общего не имеет (букв. „не имеющая“) с видом глагола. Самое важное — это, мол, (букв. „будучи“) то, что действие глаголов несовершенного вида есть процесс, а совершенного — не процесс». Если употребление причастной формы в первом предложении действительно является в известном смысле «избыточным» (значение передачи чужого мнения выражается лексическими средствами — эксплицитным указанием на авторство: *Jo nuomone* «по его мнению»), то во втором предложении данное значение передается именно причастной формой *esą* «якобы» (букв. «будучи»); замена этой формы личным глаголом *yra* или нулевой связкой неизбежно привела бы к переосмыслению предложения, которое теперь выражало бы мнение самого говорящего. Ср. также: *Knygoje...reiškiamą nuomonę, kad atematinės būsimosios laiko dviskaitos formos esančios senesnės, negu tematinės. Tos formos virtusios tematinėmis... dėl fonetinio -s' me virtimo i -sim ir vėlesnio -i- įvedimo i daugiskaitos antrąjį asmenį* «В книге ... выражается мнение, что атематические формы будущего времени двойств. числа являются [-будто бы] (part. praes. act. fem. plur. от *būti* „быть“) более древними, чем тематические. Эти формы превратились [-якобы] (part. praet. act. fem. plur. от *virtis* „превратиться“) в тематические из-за фонетического изменения -s' me в -sim и позднейшей вставки -i- во второе лицо двойственного числа». Если бы вместо предикативного причастия *virtusios* («будто бы превратились») была бы употреблена личная глагольная форма, последнее предложение могло бы восприниматься как выражение мнения автора.

Ср. еще следующие литовские примеры из сказок, где также значение цитатности («пересказочности») выражается автономными причастными формами в составе не придаточных, а самостоятельных предложений, не подчиненных глаголам говорения: *Karalius...prašė Žebrių lipti nuo žirgo ir sėsti karieton. Į vestuves reikią važiuoti drauge su karalaite* «Король... попросил Жебриса слезть с коня и сесть в карету. На свадьбу нужно [-мол] (прич. настр. вр. от *reikėti* «быть нужно») ехать вместе с принцессой» — употребление причастной, а не личной формы глагола выражает тот смысл, что убеждение в наличии такой необходимости принадлежит королю, а не рассказчику.

Po kelių dienų karalius vėl uždavė darbą. Dabar jos turinčios iškepti gardžiausią ragaišį. Kuri iškepsianti tokį ragaišį, toji būsianti visų gražiausia, visų išmintingiausia «Через несколько дней король опять задал работу.

Теперь они должны [-мол] испечь вкуснейший пирог. Которая испечет (-мол) такой пирог, та будет (-мол) самая красивая, самая умелая». «Цитатный» характер второго и третьего предложений этого отрывка также передается самими причастными формами независимо от контекста.

Важным свидетельством в пользу парадигматического статуса «косвенного наклонения» следует считать выявленную авторами и наглядно представленную в описании (см. табл. 9 на с. 232—233) коррелятивность временных и залоговых форм «косвенного наклонения» с соответствующими формами индикатива. Особенно существенное доказательство самостоятельности «косвенного наклонения» представляют формы настоящего и прошедшего многократного времени, выраженные автономными (предикативными) причастиями, н и к о г д а не употребляемыми в качестве полнозначной части сложного (аналитического) сказуемого. Ср. только что приведенный отрывок, в котором формы «косвенного наклонения» представлены причастиями буд. времени, а также следующий отрывок из сказки, где все предикативные формы представляют собой причастия прош. многократного времени: *Būdavusios kūdros, kur laumės plaudavusios drabužius ir pačios plaukydavusios. Mūsų protėvių laumių bijodavę. Jos turėdavusios geležinius nagus ir tais nagais sudraskudavusios žmones. Taip pat laumės mokėdavusios burti. Jeigu pirtis kūrendavę, visiems išsiprausūs, atėdavusios laumės ir imdavusios pertis. Naktimis taip pat visi bijodavę laumių.* «Были [когда-то] пруды, в которых ведьмы полоскали одежду и сами плавали. Наши предки боялись ведьм. Они имели железные ногти и этими ногтями раздирали людей. Ведьмы умели также колдовать. Если топили баню, то, когда все искупаются, приходят, бывало, ведьмы и начинают париться. По ночам тоже все, бывало, боялись ведьм».

Предложенное в «Грамматике» решение вопроса о самостоятельном парадигматическом статусе, предикативно употребляемых причастий действ. залога следует считать, таким образом, вполне обоснованным.

Заметим, вместе с тем, что остался не вполне ясным вопрос о том, к какому наклонению принадлежат употребляемые в предикативной позиции (без вспомогательного глагола) страдательные причастные формы среднего рода типа тех, которые приводятся на с. 250, 251: *Mat, ir jų laikoma arklys* «Вишь, и они держат лошадь (букв. и [у них] держимо лошадь)»; *Girdėt, jų bulvės kasama* «Как слышно, они картошку копают (букв. [у них] их картошка копаемо)»; *Sako, jų vogta* «Говорят, они крали (букв. [у них] их крадено)», а также: *Cia turbūt ir grybų esama* «Здесь, наверное, и грибы имеются (букв. грибов бываемо)»; *Cia šunio bėgta* «Здесь (видно) собака пробежала (букв. собаки бегано)» и т. п. Формальная характеристика «косвенного наклонения», предлагаемая авторами (см. с. 232, 316, 317), требует отнесения форм такого типа к изъявительному наклонению; это, однако, не очень согласуется со смысловой характеристикой данного типа употребления страдательных причастий (см. с. 251, а также с. 316, 317). [В Академической грамматике литовского языка рассматриваемое употребление относится к косвенному наклонению (t. II, p. 59).] Быть может, здесь следует говорить об эллипсе действительного причастия вспомогательного глагола *būti* (соответственно, о возможной омонимии с формами страдательного залога изъявительного наклонения, являющимися результатом эллипсиса личной формы глагола *būti*)?

Такое решение оставило бы в силе предлагаемое в «Грамматике» определение, согласно которому основным формальным признаком косвенного наклонения являются действительные причастия, не сопровождаемые личной формой вспомогательного глагола.

Другое возможное решение состоит в том, чтобы видоизменить определение, т. е. считать, что признаком косвенного склонения является обязательное отсутствие финитной формы глагола, иначе говоря — употребление причастия (действительного или страдательного) в позиции *verbi finiti* (для простых форм — это позиция спрягаемого глагола, для сложных — позиция вспомогательного глагола). (Это решение соответствовало бы интерпретации Й. Яблонскиса, который, как известно, говорил о соответствующем модальном значении вообще в связи с «языком причастий», не ограничиваясь только действительными причастиями.) Результатом было бы некоторое нарушение симметрии форм косвенного и изъявительного склонений: в косвенном склонении страдательными могли бы быть не только аналитические (сложные), но и простые формы. [Соответственно, следовало бы отказаться от представления о том, что «все простые времена относятся к действительному залогу» (с. 203).] Однако такая несимметричность имела бы естественное объяснение.

По-видимому, аналогичные соображения симметрии косвенного и изъявительного склонений лежат в основе исключения из парадигмы косвенного склонения (см. табл. 9) «начинательных» конструкций, выраженных формами действительных причастий настоящего времени с аффиксом *be-* (без вспомогательного глагола). Ср., однако, примеры, приведенные на с. 234 (в пунктах «в» и «г»): *Ak, žiūrėk, ir tamsta jau besuprantąs lietuviškai* «А гляди, и вы уже, оказывается, понимаете (букв. понимающий) по-литовски»; *Po trijų dienų tėvai žiūri — visas žalčių pulkas bešliuožiąs į jų kiemą* «Через три дня родители смотрят: целая стая ужей ползет (букв. ползущая) в их двор».

Предложенная выше модификация определения косвенного склонения (с точки зрения способов выражения) относилась бы и к данному типу употребления, что представляется желательным по семантическим соображениям.

Иначе по сравнению с Академической грамматикой решается вопрос о так называемом желательном склонении: в качестве особого склонения опатив не выделяется, а специальная (реликтовая) форма 3-го л. (*te-ein-ie, te-ger-ie, te-dar-ai, te-raš-ai*) включается в парадигму повелительного склонения. [В Академической грамматике императив и опатив рассматриваются как отдельные склонения. В опатив наряду с собственно «желательными» формами (с особой личной флексией) включаются и синонимичные формы 3-го л., представляющие собой преф. *te-* + форма 3-го л. с индикативным окончанием, а также «аналитические формы опатива», т. е. сочетания частиц *tegul, te* с формами глагола в наст. времени индикатива].

Предложенное в рецензируемой «Грамматике» решение представляется вполне оправданным: формы императива и формы опатива находятся в дополнительном распределении — «традиционный» императив имеет формы 2-го л. ед. ч., 2-го л. мн. ч. и 1-го л. мн. ч. («совместное»), а так называемый опатив — только форму 3-го л. Таким образом, объединение заполняет «пустые клетки» в обеих парадигмах. Заметим, что «пустые клетки» были бы устранены вовсе, если бы получили признание «аналитические опативные формы» с частицами (префиксом) *tegul, te-* + форма с индикативным окончанием (ср., например, возможность употребления форм типа *tekęsiu* «пусть я буду страдать»); это, однако, привело бы к определенным трудностям, в частности — ввиду возможности совмещения значений «опативности» («побудительности») и значений других склонений. Ср. (с сослаг. накл.): *Ar ne geriau būtų pavasariui atidėjus — at-*

siduso žmona. — *Teapsiprastų vaikas* «Не лучше было бы отложить до весны, — вздохнула жена. — Пусть бы привыкнул малыш» (Акад. гр., III, § 810); (и с «косвенным наклоением»): *Tegu ji einanti, kur norinti* «Пусть она идет-мол, куда хочет-мол».

Возможно, что именно случаи такого рода послужили причиной морфологического «аскетизма» авторов «Грамматики», заставившего их исключить из парадигмы императива формы с преф. *te-* но с индикативным окончанием.

Можно заметить, что другой вариант решения мог бы состоять в том, чтобы формы «косвенного наклоения» считать не наклоением, а другой категорией (например, «эвиденциальностью» — об этом упоминают и сами авторы). Это было бы более целесообразно по некоторым соображениям (ср., в частности, трудности, с которыми сталкивается исследователь при описании системы наклоений в латышском языке, где возможно перекрещивание дебитива и «пересказывательного наклоения» в одной форме — ср. [7]).

Проблема глагольного вида. Нельзя, конечно, сказать, что абсолютно все сложные проблемы литовской (и общей?) грамматики получили в рецензируемом труде окончательное решение. По-прежнему требует углубленных исследований вопрос о статусе аспектуальных значений (категории вида?).

Конечно, этот упрек нельзя адресовать только литуанистам и тем более только авторам «Грамматики». Нерешенными вообще в лингвистике остаются многие кардинальные вопросы аспектологии. Неясно, прежде всего, что считать типичной моделью видовых отношений — такое, скажем, явление, как вид в русском и вообще в славянских языках (к тому же представленный несколькими существенно различными моделями), или такое, как вид в английском языке (с противопоставлением форм *continuous* и «простых» форм), или, наконец, вид как категорию предложения, существующую во многих языках помимо «русской» и «английской» моделей.

Нижеследующее представляет лишь отдельные заметки по некоторым моментам в освещении вида в «Грамматике».

Представленный в «Грамматике» материал дает основание для вывода о том, что категории вида славянского типа (т. е. признак, одно из значений которого обязательно выражается в произвольной форме любого глагола и при этом является одним и тем же для всех словоформ глагола определенного вида) в литовском языке отсутствует. В связи с этим устанавливаемое соотношение литовских терминов «*eigos veikslas*» (букв. «процессуальный вид») и «*įvykių veikslas*» (букв. «событийный вид») и русских терминов «несовершенный» и «совершенный» вид следует признать вводящим в заблуждение. (Быть может, было бы более уместно говорить о «процессных» и «событийных глаголах» как о соответствующих аспектуальных классах глаголов; вероятно, впрочем, потребовалась бы и более подробная классификация.)

Вызывает сомнения несколько декларативное утверждение, в соответствии с которым литовский вид отличается от русского тем, что первый представляет собой «семанτικο-словообразовательную категорию», а второй «словоизменительную» (ведь русский вид многие исследователи считают именно словообразовательной категорией; но вообще именно этот вопрос — в значительной мере носит терминологический характер).

Принятое в «Грамматике» терминопотребление может вести к недоразумению. В ряде случаев остается неясным, что имеется в виду, например,

под «значением несовершенного вида». То, что выражается несовершенным видом в русском языке? Или «действие в его протекании, процесс» (с. 199)? Если последнее, то едва ли можно согласиться с тем, что глаголы типа *rasti* «пайти / находить», *laimėti* «выиграть/выигрывать» могут выражать «значение несовершенного вида» (в только что указанном смысле): трудно представить себе «процесс нахождения» или «процесс выигрывания».

Для читателя, не владеющего литовским языком как родным, оказываются недостаточными и такие формулировки, как, например: «Это общее, хотя и не преобладающее значение начин[ательных] времен связано со значением аффикса *be-*, подчеркивающего продолжительность действия. Оно характерно для глаголов несоверш. вида» (с. 218). Означает ли последняя фраза, что названное значение присуще формам начпательных времен, когда они образованы от так называемых глаголов «несовершенного вида»? Или же речь идет об имперфективирующем воздействии афф. *be-*, меняющего событийное значение глаголов «совершенно-го вида» на процессуальное (как отмечается в некоторых аспектологических работах)? Ср. еще неясности в определении видовой принадлежности конкретных глаголов: на с. 200, например, глаголы типа *ateiti* «прийти — приходиться» относятся (если мы правильно понимаем авторов) к «двувидовым» глаголам, а на с. 245 однотипный глагол *atnešti* «принести — приносить» — к глаголам совершенного вида (при этом в последнем случае видовая характеристика, как будто, признается словарным, ингерентно присущим глагольной лексеме свойством).

Требуют мотивации утверждения об отсутствии регулярных морфологических средств выражения видовых значений в литовском языке (что отличает его, по мнению авторов, от русского) (с. 72). Этому, как будто, противоречит наличие противопоставлений типа *būvo bepakỹlą* «вставали» — *būvo pakilę* «встали», *skaitė* «читал» — *būvo skaitęs* «прочитал» (с. 202). Подобные противопоставления заслуживали бы более подробного освещения — беглых замечаний в конце § 277 явно недостаточно; следовало бы, в частности, более определенно сказать о видовой семантике форм так называемого прошедшего многократного времени — ср. с. 204, где говорится о «другом основании» противопоставления прошедшего многократного времени прошедшему однократному, но не сказано, что это — «аспектуальность». Такие противопоставления свидетельствуют о том, что выражение видовых значений в литовском даже в большей степени связано со словоизменением, чем в русском.

Следует заметить, что безоговорочное признание «вида» семантико-словообразовательной категорией ставит под сомнение правомерность употребления самого термина «вид» (в аспектологии, как известно, различают вид как грамматическую категорию и «способы действия», связанные с семантической или, в частном случае, словообразовательной классификацией).

*

Особую «метаграмматическую» проблему составляет отнесение некоторых групп форм (слов) либо к «грамматике», либо к «словарю» (см. замечания в начале настоящей статьи).

Так, например, оправданным представляется исключение из числа парадигматических глагольных форм (наклонения) сочетаний частиц *tegul*, *te* (или преф. *te-*) с различными глагольными формами, не имеющими специальных опативных флексий (как в реликтовых формах «желательного наклонения», которые авторы «Грамматики» относят к парадигме

императива — об этом ниже). На первый взгляд, это решение кажется излишне морфологическим — почему бы не признать хотя бы формы 3-го л. с преф. *te-* и с индикативными флексиями равноправным вариантом форм с тем же префиксом, но с особыми «оптативными» окончаниями? Ведь те и другие формы вполне синонимичны (при этом последние значительно менее употребительны), а префиксы являются достаточно респектабельным способом образования грамматических форм. Однако признание преф. *te-* (и, тем более — частицы *te(gul)*) показателем оптативного (или повелительного) наклонения привело бы к трудностям при интерпретации форм, в которых этот показатель совмещается с показателями других наклонений (см. выше).

*

В заключение выскажем несколько более частных замечаний.

Несомненно ценным следует признать стремление авторов отмечать везде, где это возможно, коррелятивность грамматических классов с определенными семантическими или формальными характеристиками (удачны в этом отношении, например, §§ 101—106, описывающие связь субстантивного рода с семантикой одушевленных существительных, с принадлежностью существительного к определенной словоизменительной парадигме, а также с формальным обликом для несклоняемых существительных иноязычного происхождения). Однако способ подачи соответствующих сведений не всегда оптимален: иногда соответствующие характеристики вводятся непосредственно в определение, т. е. оказываются представленными как сущностные признаки, определяющие принадлежность к данному грамматическому классу — подобный *modus dicendi* вызывает возражения особенно в тех случаях, когда устанавливаемые связи не имеют абсолютного характера. К случаям такого рода относятся, например, замечания, открывающие §§ 106, 142 и др. Ср. начало § 106, посвященного существительным так называемого общего рода: «Отдельную группу образуют существительные, которые обозначают лиц мужского и женского пола по характерному для них негативному признаку» (с. 84). Очевидно, однако, что о с о б е н н о с т ь соответствующей группы существительных состоит прежде всего в том, что они допускают согласование по мужскому или женскому роду — в зависимости от пола обозначаемого лица (при этом можно сомневаться в том, что абсолютно все существительные «общего рода» обозначают «характерные признаки лиц», оцениваемые как негативные — ср., например, существительные типа *nausēda* «новосел, -ка», а также *žolēdra* «травоядное», *mēsēdra* «хищник» (букв. «мясоед»); ср. *maži berniukai dideli nenouramos* «Маленькие ребята — большие непоседы»; ...*jis vis toks pat judrus, linksmas, nenuosēda* «он все такой же проворный, веселый, непоседа»; ср. также приводимый в § 812 (с. 513) пример существительного «общего рода» *kerplēša (ažuolas, pušis)* «коряжистые дуб, сосна, противоречащий приведенному в § 106 определению).

Аналогичные сомнения вызывает следующее утверждение: «К разряду качественных относятся все прилагательные с основой на *a* и *u*, имеющие окончания *-as*, *-a*, *-us*, *-i* (*gēras*, *-a* „хороший, -ая“, *gražūs*, *-i* „красивый, -ая“, *laimingas*, *-a* „счастливый, -ая“), а также прилагательные с основой на *ia*, имеющие окончания *-ias*, *-ià* (*žālias*, *-ià* „зеленый, -ая“») (с. 113). Эта формулировка [как и даваемая ниже формулировка: «К разряду относительных прилагательных относятся прилагательные с основой на *ia*, имеющие окончания *-is*, *-ė*» (с. 113)] воспринимается как указание на при-

знаки, определяющие состав соответствующих классов, что, по-видимому, неверно. Так, например, прилагательные типа *pieniškas* «молочный», *mėsiškas* «мясной» (с основной на *a* и с окончаниями *-as*, *-a*), очевидно, должны быть отнесены к относительным, а не качественным прилагательным — ср. перечисляемые на с. 113 грамматические особенности, характеризующие качественные прилагательные, большинством из которых (6 из 7) прилагательные указанного типа не обладают [заметим, кстати, что пункт «г», в котором говорится о способности качественных прилагательных выступать в форме среднего рода (с. 113), нуждается в переформулировке — например, в указании на синтаксические функции, которые может выполнять форма ср. рода качественных, но не относительных прилагательных; в противном случае замечание об относительных прилагательных в конце с. 113 оказывается неточным из-за возможности примеров типа *Jis nieko pienoška, nieko mėsiška nevalgo* «Он ничего молочного (ср. р.), ничего мясного (ср. р.) не ест»].

Значительным достижением «Грамматики» являются разделы, посвященные фонологии, в частности — описанию правил фонологически и морфонологически обусловленных чередований. Некоторые из этих правил упоминаются повторно в разделах, посвященных словоизменению. Однако здесь они в ряде случаев сформулированы не лучшим образом. Например, в § 352 (с. 255) раздела о глагольном словоизменении говорится о замене *d, t* → *s* перед *t*. Однако данное правило следовало бы формулировать в более общем виде: замена зубных свистящими происходит не только перед *t* (т. е. в инфинитиве), но и вообще перед зубными (а если речь идет только о спряжении — то и перед любым согласным!), в частности, перед суф. *-dam-* полупричастия и суф. *-dav-* — прошедшего многократного времени: *vedu* — *vesdamas, vesdavo*.

В разделе, посвященном порядку слов (написанном в целом весьма удачно), некоторые сомнения вызывает трактовка предложения *Didžiausias kaimo turtas buvo žmonės* «Самым большим богатством [им. п.] деревни были люди» (с. 674). Здесь (если мы правильно понимаем авторов) первая именная группа квалифицируется не только как тема, но и как подлежащее («S»), а вторая именная группа (*žmonės* «люди») — не только как рема, но и как (именное) сказуемое («V»). С нашей точки зрения, бесспорной является только предлагаемая трактовка тема-рематической структуры данного предложения; что касается логико-синтаксической структуры, то соотношение здесь, скорее, обратное: *žmonės* («люди») представляет собой «S», а *didžiausias kaimo turtas* («самое большое богатство деревни») — «V». Это доказывается, между прочим, переводом данного предложения на русский язык, в котором именное сказуемое, в отличие от подлежащего, может выступать в форме творительного падежа (так, *Самое большое богатство деревни было людьми аномально — ср. выше русский перевод литовского предложения с препозитивным творительным и постпозитивным именительным падежом).

Из терминологических замечаний можно упомянуть следующие.

Употребляемый во многих местах «Грамматики» термин «(не)отмеченный» (член оппозиции) является, вообще говоря, не очень удачным эквивалентом немецких терминов *merkmallos, merkmalhaltig*, которые сами представляют собой перевод русск. «(бес)признаковый» (см. специальную статью Р. О. Якобсона о «круговороте терминов» в связи с русск. «(не)маркированный» — [8]). В русской лингвистической литературе в данном значении в настоящее время обычно употребляется именно этот последний термин. Термин «(не)отмеченный» чаще употребляется в смысле

«(не)грамматичный», а также «стилистически (не)нейтральный» (как в §§ 1094, 1097 «Грамматики»).

В некоторых (редких) случаях одно и то же явление называется разными терминами, а разные — одним и тем же термином. Так, например, различным образом используется термин «стандарт сравнения» в §§ 704 и 1123: в § 1123 «стандартом сравнения» называется тот член сравнительной конструкции, который указывает на предмет, с которым нечто сравнивается и который противопоставляется другому члену, указывающему на параметр, по которому проходит сравнение, называемому «критерием сравнения»; между тем в § 704 этот последний называется «стандартом сравнения».

Следует указать на досадную опечатку в примере из стихотворения Янониса: *Tekėsiu aš, o tu kentėti neturi! Te laimė aš viena matysiu tik sapnė!* «Пусть буду страдать я, а ты страдать не должен! Пусть счастье я одна буду видеть только во сне!». Опечатка превратила форму *tekėsiu* (1-е л. буд. времени от глагола *kęsti* «страдать» с оптативным префиксом *te-*) в форму *tekėsiu* (1-е л. буд. времени от глагола *tekėti* «жениться, выходить замуж»), т. е. в беспрефиксальную форму другого глагола, лишенную соответствующего оптативного значения. Это привело (очевидно, в результате контаминации с прежним переводом неискаженной строчки Янониса) к грамматически неточному переводу формы *tekėsiu* «Пусть я выйду замуж...» (с. 226) вместо правильного «я выйду замуж...».

*

Возможность альтернативных решений, отмеченных для ряда случаев выше, разумеется, как уже было сказано в начале этой статьи, никоим образом не означает неприемлемость решений, предложенных в «Грамматике». Напротив, необходимо подчеркнуть именно возможность с о с у щ е с т в о в а н и я различных решений некоторых грамматических проблем.

«Грамматика литовского языка» — это подарок всем, кто использует литовский язык как предмет профессионального лингвистического интереса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
2. Girðenis A., Žulys V. // *Kalbotyra*. 1973. IX. 2 // *Rec.: Lietuvių kalbos gramatika*.
3. *Veleckienė A. Lietuvių kalbos gramatinė sistema. Giminės kategorija*. Vilnius, 1984.
4. Булыгина Т. В. По поводу трактовки «слабо дифференцированных падежей» в литовском склонении // Международный конгресс балтистов: Тез. докл. Вильнюс, 1985.
5. *Зализняк А. А. Русское именное словозменение*. М., 1967. С. 87.
6. *Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков*. М., 1982. С. 157.
7. Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции // *Исследования по общей теории грамматики*. М., 1968. С. 216—217.
8. *Якобсон Р. О. Круговорот лингвистических терминов* // *Фонетика. Фонология. Грамматика*. М., 1971.